

Максим Сонин

СТУПАЕТ СЛОН

Москва

Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С62

Дизайн обложки: Юлия Межова

В оформлении обложки использованы фотографии
из фотобанка Shutterstock.
Автор: Viktoriia Hnatiuk

Сонин, Максим Константинович
С62 Ступает слон: [роман] / Максим Сонин. — Москва: Изда-
тельство АСТ, 2022. — 318 с. (Виноваты звезды).
ISBN 978-5-17-145576-7

Марусе шестнадцать лет, она живет в Москве и поддерживает радфем. Каникулы она планирует провести в Хельсинки со своей подругой по переписке, но по дороге ей нужно остановиться в Санкт-Петербурге — посмотреть музеи и передать известной французской критикессе стопку книг от тети-редакторки. Всего два дня в городе, а потом Маруся сможет наконец увидеть Мари... Вот только в Питере Марусю ждет нераскрытое убийство, дверь, исписанная граффити, и знакомство, которое может навсегда изменить ее жизнь...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-145576-7

© Максим Сонин, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

0

Когда-то я обещала подруге Овсянке, что, если мне когда-нибудь будет угрожать опасность, я обязательно напишу об этом в своем дневнике. Смешно. Сейчас мне угрожает опасность, но никакого смысла в том, чтобы писать имена тех, кто мне угрожает, здесь нет, потому что вряд ли этот дневник когда-нибудь будет издан. Я отделию его от остальных своих бумаг и передам Кентавру вместе с некоторыми другими вещами. Весь этот процесс описан в моем завещании — юрист уверяет, что его будет невозможно оспорить. Довольно грустно, что в таком возрасте мне уже пришлось составить завещание и проконсультироваться с юристом. Но все к лучшему — и мне все равно приятно, что Кентавр и Овсянка вернулись в Париж, и в эти дни, мои последние, мы можем быть вместе.

Мы снова живем втроем так же, как и раньше. Над квартирой витает дух М., но Кентавр и Овсянка не пускают его в квартиру. Я чувствую, как сгущаются тучи, и не могу ничего с этим поделать.

Я не знаю, как именно я умру. Вернее, не знаю, как именно меня убьют. Я вижу нож для писем, который иногда крутит в руке Овсянка. Я замечаю, как смотрит в мою сторону Кентавр. Я знаю, что М. примеряется к моей груди, когда я сплю. Я умру, но я не знаю, откуда явится смерть. Что напишут на моей могиле?

Эмилия Е. Q.

1930—1966

Умерла. Жаль.

Из «Е. Q. 0. VIII», 2020, стр. 103.

Я подняла взгляд от книги, и оказалось, что напротив меня сел парень болезненно гетеросексуальной наружности. На нем были плотные черные штаны, футболка с застиранной надписью «СЕВЕР» и куртка-ветровка. Между раздвинутых коленей он поставил черную сумку, в которой что-то неприятно звякнуло. Я постаралась отвернуться к окну плавно, чтобы он не ощутил никакой демонстративности в этом жесте. Мне просто не хотелось на него смотреть.

Перрон за окном все никак не хотел прийти в движение — мимо поезда шли люди с чемоданами, пронесся маленький мальчик с бумажным флажком в руке. Я поправила наушники и снова услышала голос Мари. Мне давно надо было купить новые наушники, но я все время об этом забывала, поэтому теперь приходилось постоянно поправлять провод, иначе звук пропадал.

«Face — это музыкальное будущее, — говорила Мари у меня в ухе. — Пусси со гуд — это фем. слоган, который в песне про суицид выступает рефреном. Face говорит, что хочет умереть, ждет смерти, но единственное, что удерживает его в этом

мире, — это любовь к женщине. Да, она выступает в роли сексуального объекта, такого эротического Иисуса, который пришел, чтобы тебя спасти и трахнуть. Но Face очень точно отражает то, как в этом спасении участвует традиционная система мужского доминирования. Он говорит о том, как „она“ не может достаться никому, кроме него, включая в диалог других мужчин, точно так же, как христианство опирается на ереси и „неверных“ для того, чтобы утвердиться в собственном превосходстве. Он понимает, что без других мужчин не сможет установить отношения с женщиной и сдохнет. И наоборот, он понимает, что без женщины не сможет установить отношения с мужчинами, потому что тогда они не будут считать его за своего».

А ведь она собиралась рассказать мне о том, как украсила гостевую комнату к моему приезду... Но это, вообще, стандартная ситуация — Мари бывает трудно удержаться от монолога, а я не возражаю, потому что никто, кроме нее, не станет объяснять мне всю глубину феминистского посыла в творчестве Фэйса. Моя подруга Таня — единственная другая женщина, с которой я обсуждаю феминизм, — вообще не слушает русскую музыку.

Мари замолчала, и я посмотрела на экран телефона. Телеграм опять глючил и отказывался проигрывать следующее аудиосообщение. Я нажала на фиолетовый треугольник, и Мари снова ожила:

«„Это Face, это Face, это Face, я;
Это Face, это Face, это Face, я;

Я кончал ей на face, прям на face, да!

Это Face, это Face, это Face, я!“

Он ведь поет о том, что женщина здесь выступает лишь зеркалом для него самого. „Face“ не значит „Лицо“, „Face“ значит „Я“, „Себя“. Он поет „Я кончал ей на себя“. То есть не на „нее“, а при помощи „нее“. Это довольно тонко. То есть Face, конечно, не профеминист, в том смысле, что права женщин его не волнуют. Но он профеминист в том смысле, что честно и точно передает суть гетеросексуальных отношений».

Я покивала, соглашаясь с ней. Русский рэп и вправду вызывает у меня ровно то же отвращение, что и патриархальные отношения — в этом Мари была права. Мари снова замолчала, и я включила экран телефона. Оказалось, что сообщения закончились.

Иногда мне казалось, что она специально записывает мне демоверсии своих мыслей, чтобы я продолжала поддерживать с ней диалог. Вот сейчас мне очень хотелось спросить ее о сути гетеросексуальных отношений, потому что мне всегда нравились ее развернутые метафоры. Я потянулась, в который раз удивленно думая о том, что впервые выезжаю из России одна. Надо было написать маме и тете, но я медлила, потому что медлил поезд. К тому же мама могла мне отзвониться, а разговор с ней сейчас совершенно испортил бы ощущение взрослой жизни. Я зевнула, стараясь прикрыть лицо рукавом, чтобы не привлекать к себе внимания, и снова посмотрела на телефон.

Сначала я собиралась записать Мари ответ голосом, но, глянув на парня на сиденье напротив, передумала.

Он был в наушниках, но я не знала, играет ли в них что-то или нет.

«М., — набрала я. — А расскажи, в чем суть гетеросексуальных отношений?»

Вообще-то мне полагалось сейчас не переписываться с Мари, а читать подаренную тетей «Жизнь после самоубийства». Вроде как она могла дать мне хорошее представление о Еве Лисетской, с которой я должна была встретиться в Санкт-Петербурге. Но у меня болела голова, перрон за окном все никак не хотел трогаться, и думать о книге не хотелось совершенно. Вместо этого я пригнулась, потрогала ладонью чемодан под сиденьем. Я очень гордилась тем, как компактно мне удалось запаковать вещи. Всего один чемодан — это очень мало, учитывая, что из Москвы я уезжала почти на две недели.

Я ношу довольно плотные ткани, к тому же с моим ростом любые штаны и кофты занимают примерно в два раза больше места, чем те же вещи моих подруг. И тем не менее я уложилась в один чемодан вполне нормального размера. У меня еще был школьный рюкзак с книгами, но с ним я собиралась расстаться в Питере и в Хельсинки ехать уже с одним чемоданом.

Мари прислала мне аудиосообщение, и я поправила наушник, чтобы его прослушать. Парень на сиденьях напротив поднес телефон к губам и что-то наговаривал, устало глядя по сторонам. Губы у него были сальные, и я снова отвернулась к окну.

«Муся, — Мари заговорила с моей любимой интонацией. Я сразу представила, как будто она обнимает меня, и мы вместе разглядываем дивный гетеросексуальный мир, раскинувшийся далеко у нас под ногами. —

Я сейчас кратко-кратко скажу. Суть гетеросексуальных отношений в том, что есть женщины и есть такие подлые палочки в зеленой форме, которые научились притворяться растениями. Им это удастся по двум причинам: во-первых, они не так уж далеко ушли от растений по развитию, а во-вторых, потому что они законодательно запретили женщинам называть себя „палочниками“. И обязали каждую женщину держать дома по кадке с палочником-растением. И каждый вечер этим женщинам приходится насаживаться влагилицем на это растение. Улавливаешь? А это достаточно больно, потому что чаще всего палочки притворяются кактусами, потому что на большее у них просто не хватает воображения».

Я хихикнула и тут же снова бросила взгляд на парня напротив. Он уже перестал говорить и теперь с еще более уставшим лицом что-то слушал, откинув голову назад и вытянув руки по швам. В этой позе он достаточно напоминал палочника, чтобы я снова отвернулась, только чтобы не рассмеяться.

«Спасибо, — написала я Мари. — Теперь мне все понятно».

«! Муся, — то, что Мари отвечала текстом, означало, что она пришла домой и сидит за столом с родителями. — Поезд??»

«Поезд!» — ответила я. Перрон наконец тронулся и поплыл. Из-за рябющей серой плитки голова тут же заболела сильнее, и я поскорее закрыла глаза. Надо было написать маме и тете и можно было попробовать подремать.

Закончив с административной частью моего отъезда из Москвы, я, подумав, написала Тане. Из-за поездки на север я пропускала ее выпускной.

«Удачи! — Таня ответила сразу. — Обязательно потом увидимся».

«Обязательно, — написала я. — Можно будет вас с Аной куда-нибудь сводить?»

Последнее сообщение я перечитала с особенной гордостью. С Таниной девушкой я не общалась, но очень хотела познакомиться поближе. Они обе были на класс старше меня, но если Таня казалась мне старшей близкой подругой, то Ану я воспринимала как человека из какого-то совершенно другого мира.

«Не знаю, — написала Таня. — Я спрошу, но она уедет в конце июня на пару недель. Ты когда возвращаешься?»

«В конце месяца, — написала я. — В тридцатых числах».

«Марусь, тебе семнадцать или тридцать?» — написала Таня. Если бы я была рядом с ней, я бы показала ей язык.

«Я приеду в Москву двадцать восьмого», — написала я, сверившись со скринами билетов.

«Аны уже не будет, — написала Таня. — Но я буду в Москве, так что можем встретиться».

«Отлично! — ответила я. — И я тебя еще раз поздравлю с выпуском, обязательно».

Я откинулась на сиденье, осторожно вытянула ноги, которые уже начали затекать. Подошвы моих кроссовок скрылись под сиденьем напротив, справа от черной штанины парня с сумкой. Он поднял лицо на меня, но его

взгляд был пустым и скользил, ни за что не цепляясь. Я все равно села ровнее и скрестила руки на груди.

Москва за окном поезда уже стала сливаться в разноцветное полотно, и глаза мгновенно устали смотреть. Голова все еще болела, но укачивающий ритм поезда действовал на меня успокаивающе. Я включила в телефоне плейлист Мари и закрыла глаза.

Когда поезд въехал на Московский вокзал, я уже не спала и даже успела немного устать, потому что разбудил меня звонок тети.

— Муся, — тетя, как всегда, говорила медленно и будто сонно. — Нигде не задерживайся и езжай в гостиницу, хорошо? Самолет Лисетской приземлится через пару часов, и потом еще такси, но хорошо бы, чтобы к ее приезду ты уже расположилась.

— Я знаю, — сказала я. — Я готовилась.

Книжка Лисетской так и осталась в рюкзаке, но я уже открыла в телефоне ее страницу в википедии и как раз собиралась пролистать ее в такси.

— Пожалуйста, — тетя с трудом оформляла явный приказ в просьбу. — Веди себя прилично.

Я не стала ей говорить, что если я такая неприличная, то она могла бы поехать на встречу сама, а вместо этого улыбнулась и сказала в трубку:

— Хорошо, конечно.

Парень с сиденья напротив поднял на меня взгляд и тоже улыбнулся. Я тут же сделала суровое лицо и отвернулась. Не хватало еще, чтобы он попытался ко мне подкатить.

Вообще мальчики в России это что-то с чем-то. В-первых, сложно общаться с людьми, на которых так сильно давит общество. И я понимаю, что это неправильно — отказываться от общения с какой-то группой людей только потому, что общество решило выделить их в эту группу. Но ведь многие со временем начинают пользоваться своим положением. Свистят в спину на улице, пытаются прижаться в метро, говорят как с ребенком (смешно, учитывая, что я выше многих из них). Это раздражает. И хотя я понимаю, что они такие же жертвы этой системы, как и я, но личное ментальное здоровье для меня все-таки дороже. Краем глаза я увидела, что парень снова уткнулся в телефон, и расслабилась. Надо было почитать про Лисетскую, с которой мне предстояло провести две ночи в соседних номерах.

В русской википедии статья о Лисетской была довольно короткая, поэтому я перешла на французскую.

С фотографии в начале статьи на меня смотрела красивая темноволосая женщина лет пятидесяти. У нее было практически круглое лицо и большие глаза, которые чуть щурились, как будто она забыла надеть очки. Я пролистала вниз до биографии и сразу же заметила несколько знакомых имен. Лисетская родилась в 1940 году в Сливене, в Болгарии, но в конце пятидесятых переехала в Париж и общалась там с разными легендарными личностями. Про Барта, Соллерса и Риффатера я что-то слышала, а вот с Симоной де Бовуар, с которой Лисетская дружила и работала над одной из своих первых книг, я была знакома хорошо. Год назад, когда Женя Мыльников только собиралась открыть в

Питере фем-кафе, я проголосовала за название «Симона» в Жениной группе в вк. Не знаю почему, но кафе в итоге назвали «ИКС», в честь писательницы Ив Косовски Седжвик, несмотря на результаты голосования, в котором де Бовуар одержала уверенную победу.

Я вспомнила, что собиралась посмотреть расстояние от отеля до кафе, и закрыла википедию. Тетя пыталась мне объяснить значимость Лисетской, но я понимала, что ей просто почему-то нужно услужить этой неизвестной француженке, и не особенно ей заинтересовалась. Поездка в Питер по тетиной просьбе позволила мне убедить маму, что я могу потом самостоятельно съездить в Хельсинки к Мари, а ради этого я была готова встретиться с кем угодно.

«Я в Питере», — написала я Мари. За окном поезда замер вокзал, и я сразу потянула из-под сиденья чемодан — хотелось поскорее оказаться на улице. Там я должна была поехать в гостиницу, встретить Лисетскую, передать ей книги, поводить ее немного по городу, а потом, через два дня, сесть на другой поезд и, наконец, оказаться в Хельсинки, где меня ждала Мари. Я протолкнулась мимо парня с сумкой и поспешила к выходу из вагона.

2

Гостиница, а на самом деле Отель с очень большой буквы «О», встретила меня широкой лестницей и красным ковром, закрепленным на ней металлическими шарами. На стойке регистрации я обменяла распечатанную тетей бронь на ключи от номеров и направилась к лифтам. Обычно я чувствую себя скорее комфортно в собственном теле, но в этом мраморно-бархатном здании мне было неловко. Одежда, моя одежда, хорошая, даже дорогая по меркам моего класса, вдруг оказалась совершенно неуместной и яркой.

Нам с Лисетской достались настоящие апартаменты: два однокомнатных номера с отдельными туалетами и ванными и смежной дверью. В левой комнате был балкон, и я, поразмыслив, решила, что там лучше поселить Лисетскую, потому что я не знала, нужно ли ей место для курения. Поскольку я бросила курить еще год назад, то могла обойтись и без балкона.

В номере я первым делом подобрала себе новый костюм — для этого пришлось распотрошить чемодан. Я скинула широкую лоскутную кофту, потом, подумав, и розовую футболку, и джинсы. Порылась в той части

чемодана, которую собрала на всякий случай, если вдруг придется идти в театр, например. Я не знала, собирается ли Мари водить меня в театр, но я могла себе представить все что угодно — мы еще ни разу не виделись с ней вживую, и я была уверена, что она постарается придумать для меня невероятные каникулы.

В напольном зеркале отразилась высокая девушка в черных брюках и такой же рубашке — в этой одежде я чувствовала себя лучше и не выглядела слишком аляповато на фоне дубовых панелей и черной мебели.

Следующий час я провела лежа на кровати — голова уже не болела, но я чувствовала себя устало и сонно и валялась на пружинистом матрасе, завернувшись в покрывало, чтобы не пачкать потом простыни. Подбранную одежду я сняла и разложила на столе, чтобы надеть после душа.

Мари прислала мне сообщение поддержки, которое вызвало у меня усмешку.

«Маруся, а ты вообще знаешь, зачем тебя туда послали? У многих звезд есть райдер: водка, вода Десани, три портрета Леннона на стене и голые школьницы в туалете. Ты в лучшем случае на месте Леннона. А на самом деле, я думаю, что эта старая лесбуха любит девочек помоложе. Тебе хочется верить, что она прекрасна, а она, скорее всего, Джаред Лето литературной критики. Как там в номере? Простыни белые? Готовься пачкать».

«Она не звезда, — написала я. — Просто общалась со звездами».